

Полтора месяца пролетели в мгновение ока, и вся съёмочная группа медленно спешила и, наконец, отсняла последние несколько сцен в середине августа.

Проливной дождь накануне нарушил все планы. Сначала группа снимала эпизод с тяжелой болезнью Гао Куна на поздней стадии сценария. Чтобы сниматься, он однажды сбросил 120 кг веса больного тела. Позже он собирался наверстать упущенное за предыдущую сцену. Чжоу Цзихэну приходилось каждый день упорно бороться в дополнение к съемкам.

Фитнесом для набора веса.

Сяо Ло достал стейк и белые вареные яйца из коробки для ланча:

— Тело Цзихэна вот-вот превратится в воздушный шар.

Чжоу Цзихэн был отвратителен, когда увидел это, но для того, чтобы продолжить съёмки, ему всё равно пришлось продолжить:

— Забудь об этом, я мотивирован тренироваться сейчас, а когда я закончу, будет слишком поздно тренироваться, и я не смогу снимать рекламу или что-то в этом роде.

— Ты можешь утешить себя.

Ся Сицин сел рядом с Чжоу Цзихэном со своим роскошным обедом, с удовольствием поедая перед ним кисло-сладкие свиные ребрышки и курицу Кун Пао.

— Можешь ли ты сделать всё возможное и держаться от меня подальше, когда будешь есть, - Чжоу Цзихэн был в отчаянии, когда почувствовал аромат обеда Ся Сицина.

На самом деле, чтобы играть в Цзян Туна, бенто Ся Сицина в предыдущие несколько месяцев также было блюдом с пониженным содержанием жира, и только когда он собирался доснять его, у него появилось несколько хороших блюд.

Он взял палочками для еды кусочек кисло-сладких свиных ребрышек и поднёс его ко рту Чжоу Цзихэна:

— Ты тайком съешь кусочек, всё в порядке.

— Кто сказал, что всё в порядке? - Сзади раздался властный женский голос.

Чжоу Цзихэн немедленно сел напротив него, как только услышал это.

Ся Сицин также взял палочки для еды и положил мясо в рот. Он улыбнулся, поедая по-местному:

— Сестра Цзян Инь, ты слишком самоотверженна. Он твой собственный шурин.

Цзян Инь тоже села:

— Он не приходил сюда таким образом раньше. — Сказав это, Цзян Инь пристально посмотрела на Ся Сицина. — Он не сможет этого сделать, если вы не завербуете его.

— Хорошо, я завербую его. — Видя, как Чжоу Цзихэн снова и снова кивает за спиной Цзян Иня, Ся Сицин также признал. — Я собираюсь убить его сегодня, и я больше не смогу его провоцировать.

Произнеся эти слова, Чжоу Цзихэн нахмурился, глядя на него с очень несчастным видом.

Ся Сицин налила Цзян Инь чашку чая, Цзян Инь взяла её и поблагодарила, затем повернулась к Ся Сицину и сказала:

— Кстати, о Цинцине, команда должна праздновать в твою честь сегодня вечером? В любом случае, это твой первый раз, когда ты играешь.

— Оставь.

Ся Сицин думал, что Си Хуэй свяжется с ним позавчера. Его дед был серьезно болен. После убийства Цин ему пришлось вернуться в дом Си, чтобы решить вопрос о наследстве.

Хотя Ся Сицин понятия не имел о наследстве старика Си, как сказал Си Хуэй, он не мог допустить, чтобы то, что принадлежало его матери, попало в руки других.

— У меня все еще есть кое-какие дела в Пекине, так что я должен вернуться после убийства Цин.

Чжоу Цзихэн покровительствовал Ся Сицину и даже не потрудился поесть. Цзян Инь пнула его носком своего высокого каблука, прежде он чем пришёл в себя.

— Хорошо, тебе просто нужно спешить обратно ночью. Я попросил своего помощника купить ещё один билет. Пойдём вместе.

Последняя сцена Ся Сицина была на скамейке в коридоре за пределами палаты, и это также была последняя сцена съёмочной группы, арендующей больницу для съёмок.

На нём была одежда для работы неполный рабочий день, а Го Ян, который был одет в костюм, сидел рядом с ним. После того, как они закончили свои последние слова, камера переместилась и была направлена на лицо Ся Сицина.

— Игра «Слежка» 121, Сцена 1, впервые, экшн!

— Выпей немного кофе. - Чэн Цимин передал бумажный стаканчик, который держал в руке, Цзян Туна и сел рядом с ним. — Только что закончил играть?

Цзян Тун кивнул и сделал глоток кофе, но всё ещё горько нахмурился.

Чэн Цимин увидел изоляционное ведро из нержавеющей стали рядом со своей ногой, поэтому с беспокойством спросил:

— Для него?

— Купи... из...

Недавнее состояние Цзян Туна также не очень хорошее. Его голосовые связки долгое время использовали ненормальные вокальные паттерны, и его голос хриплый. Чэн Цимин почувствовал жалость, когда увидел это.

— Выпей что-нибудь горячее.

С тех пор как Гао Куна отправили в отделение интенсивной терапии, Цзян Тун уволился с работы в круглосуточном магазине и сопровождает его в палате каждую ночь. Иногда он немного приходит в себя. Цзян Тун также хорошо заботится о нём и разговаривает с ним некоторое время.

Чэн Цимин посмотрел на тёмно-зелёные круги у него под глазами, повернул голову, достал из портфеля папку и протянул ему:

— Смотри, это то, что я говорил тебе в прошлый раз.

Цзян Тун поставил кофе на пол, взял папку и открыл её. В ней было полно материалов об образовании взрослых. После долгого чтения он вернул папку Чэн Циминю. Не говоря ни слова, он опустил голову и поджал губы.

— Ты не присмотрелся поближе, - Вздохнул Чэн Цимин. — Тебе не очень нравится рисовать? Когда Гао Кун оправится от своей болезни, - Чэн Цимин почувствовал себя немного не в своей тарелке, когда сказал это, и снова изменил свои слова. — Я имею в виду, когда его состояние стабилизируется, ты сможешь пойти учиться рисовать. Я видел все эти школы, и ты можешь

обратиться за финансовой помощью, и я тоже это сделаю. Помогу вам, вам не придется слишком беспокоиться о деньгах. И... - Его голос стал тише, — Не пойми меня неправильно, я действительно просто думаю, что ты очень похож на моего брата. В глубине души я чувствую вину за него, и я чувствую себя очень расстроенным, когда вижу тебя. И это всё.

Выслушав это, Цзян Тун поспешно достал открытку, написал предложение и передал его Чэн Циминю.

[Если вы помогаете ему, вы помогаете мне, я вам очень благодарен.]

Чэн Цимин не мог сдержать лёгкого раздражения, когда увидел это. Он и Цзян Тун говорили о его собственном будущем, но он не мог его слушать:

— Я сказал тебе, что помогу ему, но ты должен знать, что это не обычная болезнь. Гао Кун - почти умерший. Что касается ситуации, то некоторые вещи нельзя решить, потратив деньги.

Его тон стал немного встревоженным, и он забыл принять во внимание настроение Цзян Туна.

Как только он закончил говорить, он немного пожалел об этом, но он сказал ему выслушать всё, и он не мог взять свои слова обратно.

Цзян Тун дважды кивнул, его ладони закрыли все лицо, и всё его тело изогнулось, как тонкая креветка.

— Ты... ты есть, я знаю, что вы друзья, - попытался найти подходящую формулировку Чэн Цимин, — Но ты также должен подумать об этом сам.

Прошло много времени, прежде чем Цзян Тун поднял голову со слезами в красных глазах.

Он потёр переносицу, достал мобильный телефон и подписал предложение, его плечи дрожали, почерк был кривым, и он не мог написать его хорошо.

После долгого терпения, в конце концов, на табличку удобства упала слеза.

[Он сказал, что после встречи со мной он не хотел умирать, и я тоже так думал.]

Чэн Цимин взял листок бумаги и долго внимательно читал его, и в конце концов смог только кивнуть головой.

— Вот. Тогда давайте поговорим об этом, когда он стабилизируется. - Положив записку в карман своего костюма, Чэн Цимин встал. — Я ухожу первым. Завтра я попрошу кого-нибудь

прислать фруктовые добавки.

Цзян Тун поспешно встал и низко поклонился Чэн Циминю. Только после того, как он ушёл, Цзян Тун выпрямился.

Он не ел все утро, и у него немного кружилась голова. Он быстро сел у стены и достал из кармана леденец на палочке.

До того, как он заставил Гао Куна бросить курить, Гао Кун мог только выходить на улицу и покупать леденцы на палочке по одному юаню за штуку и время от времени угощать его.

Цзян Тун опустил голову, его мысли были заняты тем, каким он был здоровым раньше, живым и невредимым, чинил его велосипед, следовал за ним и отправлял его в ночную смену.

Он медленно снял сахарную бумагу и отправил в рот кристально чистый сахарный шарик.

Так или иначе, слёзы просто не могли остановиться. Цзян Тун взглянул на медсестру в коридоре и поднял руку, чтобы тихо вытереть слёзы, но вскоре после того, как вытер их, слёзы полились снова, и Цзян Тун снова вытер их ладонью, но он не мог это контролировать.

Он проследил за появлением Гао Куна и разломал сахарный шарик на кусочки. Сахар был слишком сладким и горьким.

С полным ртом сахара во рту Цзян Тун сидел один на скамейке и плакал так сильно, что не мог поднять голову.

Камера постепенно удалялась, охватывая весь больничный коридор, и длинный объектив наполнил маленькую комнату радостью и печалью.

— Снято!

Эту сцену плача снимали пять или шесть раз, и в последний раз, когда она была в таком хорошем состоянии, режиссёр также временно изменил длинный кадр.

— Ладно, с этим покончено. Цзян Тун усердно трудился. — Кун Чэн перешёл с другого конца монитора и похлопал Ся Сицина по плечу. — Сицин усердно работал и наконец закончил это.

Многие из женского персонала на съёмочной площадке были заражены эмоциями Ся Сицина, и они подходили одна за другой, чтобы передать ему бумагу.

— Сицин такой жалкий, что мне хочется плакать, я плачу.

— Это верно, я даже не осмеливаюсь больше смотреть главный фильм. Это самая оскорбительная группа, в которой я когда-либо был.

Слишком сильно плача и немного запыхавшись, Ся Сицин сделал глубокий вдох, повернул голову и увидел испуганного Чжоу Цзихэна, держащего в руке большой букет красных роз, улыбнулся и направился к нему.

Эта фотография внезапно вернула его в тот день, когда он снимался для журнала с Чжоу Цзихэном.

Ся Сицин был поражён:

— Где ты это купил...

— Поздравляю с победой.

Чжоу Цзихэн нежно улыбнулся и вручил ему цветы. Ся Сицин был так смущён таким большим букетом цветов, что взял его и сразу же улыбнулся окружающим его людям. Которые знали этого парня, просто обняли его.

Изначально это было убийство, и подобные вещи были нормальными в глазах посторонних, не говоря уже о том, что вся команда знала, что у них были хорошие отношения.

С силой обняв, Чжоу Цзихэн наклонился к его уху и прошептал:

— Брат Сицин разбил мне сердце слезами.

Ну вот, мы снова начинаем:

— Ты...

— Я хочу поцеловать твои глаза.

Ся Сицин нечего было делать, поэтому он мог только вытереть все свои слёзы у него на плечах.

В дополнение к Чжоу Цзихэну, несколько других создателей из той же группы также вышли вперёд, чтобы обнять его один за другим.

Все знают, что у Ся Сицин всё ещё есть дела, с которыми нужно разобраться, и у съёмочной группы тоже очень мало времени. Свадебного банкета можно только избежать. Ся Сицин заплатил из своего кармана и заказал еду на вынос для всей съёмочной группы в самом

известном местном ресторане. Купив ещё один большой торт, затем ушёл.

После того как самолёт приземлился в Пекине, Ся Сицин хорошо выспался ночью. Единственное, что ей нужно было сделать, когда он проснётся, – это хорошенько привести себя в порядок.

Когда он не был с Чжоу Цзихэном, Ся Сицин был довольно внимателен к своей внешности.

В конце концов, он был студентом художественного факультета, и в кругу геев его лицо и фигура были важны.

Неудивительно, что причёске придана такой форме. Волосы спереди полностью уложены, а на лбу есть небольшой бьюти-кончик, который находится не посередине, а наклонен влево, что соответствует неортодоксальному темпераменту Ся Сицина.

Си Хуэй приехал, чтобы забрать его, и Ся Сицин поприветствовал его по дороге, но почти ничего не сказал.

Си Хуэй всю свою жизнь был холостяком. У него нет ни жены, ни детей. Он не интересуется искусством и просто хочет заниматься бизнесом. По этой причине он давно поссорился с мистером Си. Младший сын нефилем, а дочь преждевременно умерла из-за биполярного расстройства. Родственники рядом с ним всю свою жизнь присматривались к коллекции двух старших, и они просто хотят остаться до того дня, когда они уедут, и немедленно разделить её...

Когда он прибыл в дом Си, Ся Сицин поднялся наверх вместе с Си Хуэем. Когда он вышел из комнаты старика Си, у двери стояло несколько маленьких детей, и 80% из них также были детьми, которых привели эти родственники.

Ся Сицин редко бывал в доме Си. Последний раз это было перед учебой за границей. Было очень мало родственников, которые знали его, не говоря уже об этих детях.

Но недавно он стал одним из участников интернет-трафика. Никто из этих детей его не знает. Они были ошеломлены, когда увидели Ся Сицина, а затем перешептались друг с другом.

Ся Сицин наполовину опустил голову и поправил пуговицы рубашки на манжетах, но ничего не услышал, и подождал, пока доктор, находившийся внутри, выйдет, и вошёл прямо в комнату.

Кровать старика Си превратилась в семейную больничную койку. На его старом лице много морщин, но он всё ещё хорошо одет. Даже если он лежит в постели, на лице у него всё ещё маска искусственной вентиляции легких. Он так смущён, что в нём всё ещё сохранились кости последнего старого художника.

Рядом с ним стоял хорошо одетый мужчина лет сорока. Он покосился на Ся Сицина и бесцеремонно сказал:

— Кто это опять заходит, экономка, пригласи его выйти.

Ся Сицин улыбнулся и повернул голову, чтобы посмотреть на Си Хуэя. Прежде чем он смог заговорить, Си Хуэй объяснил:

— Это двоюродный брат моего отца.

— Кузен? - Взгляд Ся Сицина скользнул мимо, его тон был неторопливым. — Я думал, у меня есть другой дядя.

Другая сторона, очевидно, была сильно уязвлена этими словами, его глаза обратились к Ся Сицину и Си Хуэю.

Ся Сицин не потрудился состроить ему гримасу, медленно придвинул стул к окну и великодушно уселся.

Старик, который был болен в постели, казалось, услышал звук, открыл глаза и увидел лицо Ся Сицина, как будто он увидел свою дочь в трансе.

— Синьёра... Синьёра вернулась?

Услышав, как дедушка называет прозвище его матери, Ся Сицин почувствовал себя кислым и протянул руку, чтобы взять дедушку за руку.

Си Хуэй наблюдал со стороны, а затем повернулся, чтобы посмотреть на лежащего без сознания кузена:

— Кузен, если с тобой всё в порядке, иди вниз и выпей чаю. Тебе действительно трудно охранять в эти дни.

— Ты! Вы ищете собственность семьи Си!

— План? - Ся Сицин поднял голову. — Я дедушкин внук, - Он снова повернулся, чтобы посмотреть на Си Хуэя. — Я единственный сын дедушки, кто ты?

После того, как Ся Сицин избил его подобным образом, лицо мужчины на некоторое время стало сине-белым, и он долгое время не мог вымолвить ни слова.

Си Хуэй позвонил кому-то и подошёл, чтобы пригласить всех этих неуместных и нежелающих выходить родственников.

Адвокат г-на Си также прибыл в дом, и пока они бодрствовали, они подсчитали все сборы, ликвидность и недвижимость.

Ся Сицин очень хорошо знал цель Си Хуэя:

— Мне нужны только коллекция и художественный музей, а остальные средства и недвижимость будут переданы вам. — Си Хуэй не скрывал этого, когда увидел его так прямо.

До того дня, как старик Си ушёл, Ся Сицин оставался с ним у его кровати.

Он никогда не был со старейшиной так долго, и он не ожидал, что единственный раз, когда у него был шанс, была такая сцена.

В тот день, когда старик Си ушёл, Ся Сицин подтолкнул инвалидное кресло и отвёз его в комнату с гипсовой скульптурой женщины с красивым лицом, держащей на руках прекрасного ребёнка.

— Это... я лично... когда ты родился. — Дедушка кашлянул несколько раз снова и снова, тяжело дыша, и неохотно продолжил. — Это следовало отдать тебе давным-давно...

Нос Ся Сицина был кислым, и его пальцы коснулись скульптуры.

За эти короткие десять дней он, казалось, впервые почувствовал тепло принадлежности к своей семье.

Хотя было уже слишком поздно.

Уладив все дела, Ся Сицин временно оставил коллекцию в хранилище семьи Си, собираясь дожидаться открытия художественного музея, прежде чем строить планы.

В день похорон Ся Сицин, как его внук, стоял впереди вместе с Си Хуэем, чтобы нести гроб для старика Си. Ся Юнцай тоже появился, но Ся Сицин не сказал ни слова, потому что не мог его видеть.

Вернувшись домой, Ся Сицин несколько дней рисовал у себя дома. Когда он лежал на деревянном столе в студии и заснул утром, его разбудил голос WeChat. Это были новости Чжоу Цзихэна.

[Задающий темп морали]: Я приземлился, где ты?

Ся Сицин дважды потерял глаза. Как только он проснулся, его руки были мягкими, и он не потрудился печатать. Он взял телефон и отправил голосовое сообщение.

— Я у себя дома.

Чжоу Цзихэн на другом конце провода вышел из хаотичной и шумной сцены пикапа. Он наконец сел в машину. Затем надел наушники и включил голос. Голос Ся Сицина был намного мягче, чем обычно. Он был скользким, как будто он только что проснулся. Сердце Чжоу Цзихэна дрогнуло, когда он услышал это. Четыре слова. Он слушал голос более десяти или двадцати раз, и уголки моего рта не могли быть опущены.

— Почему Цзихэн так счастлив? – Старший брат водителя взглянул в зеркало заднего вида и спросил Сяо Ло.

У Сяо Ло было ясное выражение лица, и он ответил:

— Кто знает?

— Куда ты идешь, Цзихэн? Вернёшься в компанию?

— Иду домой, возвращайся в мою квартиру.

В конце августа жара в Пекине ещё не полностью спала, но на юге не всегда было так сыро и жарко. Чжоу Цзихэн всё ещё немного не привык к внезапному возвращению из Уханя.

Как только Чжоу Цзихэн вышел из лифта своей квартиры, он направился прямо к дому Ся Сицина. После долгого звонка в дверь никто не ответил. Он прислонился к стене и отправил сообщение, поэтому открыл дверь своего собственного дома своими отпечатками пальцев.

— Где ты был... – Чжоу Цзихэн переобулся, подошел к дивану в гостиной и лег на голову.

В комнате было очень тихо. Чжоу Цзихэн отправил Ся Сицину несколько сообщений подряд. Услышав сигнал WeChat, он встал, огляделся и обнаружил, что мобильный телефон Ся Сицина на самом деле лежал на диване.

— Где же эти люди?

Чжоу Цзихэн встал и выкрикнул его имя, поднимаясь вверх, чтобы найти его. Несколько комнат были пусты, так что ему пришлось вернуться в гостиную.

— Сколько тебе лет, ты всё ещё играешь с людьми в прятки, - Чжоу Цзихэн неуверенно подошёл к окну от пола до потолка и раздвинул занавеску. — Нет, - Он сделал несколько шагов назад, прислонившись спиной к бассейну лицом к окну от пола до потолка, — Выходи, я знаю, что ты здесь...

Прежде чем он закончил говорить, мокрая рука схватила Чжоу Цзихэна за лодыжку и потянула его вниз. Центр тяжести Чжоу Цзихэна был неустойчив, и он упал в бассейн на спину.

Ся Сицин вышел из воды, вытер воду с лица руками, откинув все волосы назад и прижав ладони к груди, чтобы подтолкнуть Чжоу Цзихэна, который ещё не отреагировал, к краю бассейна, и сильно и хитро надавил на его плечи.

Чжоу Цзихэн посмотрел на Ся Сицина, который вышел из воды обнажённым. Его светлая и тонкая кожа, казалось, была покрыта шёлковым атласом. Вода искрилась, и светло-золотистый солнечный свет проникал через окна от пола до потолка. Дюйм за дюймом он покрывал гладкие плечи и спину Ся Сицина.

С него с ног до головы стекала вода, его кожа была такой тонкой, что казалась почти прозрачной, и он был так красив в освещении сзади, что казался всего лишь ярким рыбьим хвостом.

— Я жду, когда ты умрёшь, - Ся Сицин погладил лицо Цзихэна сбоку своей рукой, на мгновение заглянул в его горящие глаза, а затем интимно прижался к его груди, его губы были сжаты, но не полностью. Он почти собирался вырвать душу Чжоу Цзихэна на крючок. — Сделай мне искусственное дыхание.

Чжоу Цзихэн протянул руку и распрямил талию. Он энергично обнял его и перевернулся. Ситуация немедленно изменилась на противоположную. Он поймал обе руки Ся Сицина и прижал к мраморному полу возле бассейна. Он повернулся и поцеловал.

В тот момент, когда кончики влажных и мягких язычков соприкоснулись друг с другом, Тяньлэй поднёс огонь к земле, и огонь мог в одно мгновение вспыхнуть в прериях.

После поцелуя Чжоу Цзихэн ущипнул Ся Сицина за подбородок и поцеловал в кончик его носа:

— Кто позволил тебе поплавать?

Пара длинных белых ног покачивалась в воде, зацепив икры Чжоу Цзихэна.

Ся Сицин улыбнулся и обнял его за шею, склонив голову набок.

— Кто сказал, что я пришёл поплавать?

Чжоу Цзихэн позволил ему обнять себя и сказал:

— Я слушал голос и думал, что ты спишь?

Ся Сицин потёрся кончиком носа о подбородок Чжоу Цзихэна, его голос был более чётким, чем в его собственном, и уши Чжоу Цзихэн смягчились, когда он услышал это.

— Сейчас я действительно хочу спать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284224>